

М. А. Митюков*

Дискуссии о светском государстве на Конституционном совещании

Аннотация. С. С. Алексеев, один из творцов «президентского» проекта Конституции, внесенного на обсуждение и доработку в Конституционное совещание 1993 г., обозначил сущность светского государства «как цивилизованного, нерелигиозного, незаидеологизированного государства». Подобная формула разделялась не всеми участниками совещания. Некоторые из них считали идею светского государства для «нашего общества пустым звуком», хотя многие видели его взаимосвязь с федеративным устройством, а главное — с правовым демократическим государством. Разновекторный подход к пониманию сущности светского государства, его содержания и вообще целесообразности конституционной регламентации вызвали на совещании весьма оживленные дискуссии, особенно между представителями различных политических, а также религиозных и нерелигиозных взглядов.

В данной статье прослеживается полемика участников вокруг понятий «светское государство», «атеистическая деятельность», «свобода выражений атеистических мнений». Акцентируется внимание, в какой мере участникам Конституционного совещания, особенно представителям юридической науки и экспертных учреждений, удалось в этой части повлиять на трансформацию первоначального текста, представленного Президентом РФ.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, проекты, Конституционное совещание 1993 г., светское государство, атеизм, дискуссии.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.068-080

ВВОДНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

В проекте Конституции Президента РФ, опубликованном в конце апреля 1993 г., идея светского государства представлялась в нескольких ракурсах. Во-первых, в дефиниции Российской Федерации, предложенной в ст. 1, определялось: «Российская Федерация — Россия есть

демократическое правовое светское федеративное государство, высшими ценностями которого являются человек, его достоинство, неотъемлемые права и свободы»¹. Во-вторых, в связи с провозглашаемым идеологическим и политическим многообразием. «Никакая идеология и религия, — предполагала ст. 14 проекта, — не могут устанавливаться в качестве государствен-

¹ См.: Конституционное совещание : Стенограммы. Материалы. Документы : в 20 т. М. : Юрид. лит., 1995. Т. 1. С. 12 (далее по тексту указываются номер тома и страницы).

© Митюков М. А., 2017

* Митюков Михаил Алексеевич, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, участник Конституционного совещания 1993 г.

mta070142@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ных и обязательных. Никакая партия и церковь не могут находиться под опекой или контролем государства» (т. 1, с. 13). В-третьих, во взаимосвязи с гражданскими свободами, в ст. 6 предусматривалось, что «гарантируется право на свободу совести, духовную свободу, свободу вероисповедания, религиозную или атеистическую деятельность, свободу мысли и выражения своих мнений и убеждений, свободу развития своей личности» (т. 1, с. 15).

Фактически в «президентском» проекте Конституции РФ «интегрированы» положения о светском государстве проектов, подготовленных рабочими группами Конституционной комиссии, С. М. Шахрая, Международного фонда «Реформа», РДДР². «Рассматриваемый проект в данной части, — вполне обоснованно замечал В. А. Кикоть, — лишь несущественно отличается от проекта Конституционной комиссии»³.

Позднее А. А. Агафонова отмечала, что «стремление закрепить светский характер государства в первой же статье Конституции было вызвано желанием, с одной стороны, не допустить повторения опыта советского строительства с господством одной обязательной для всех идеологии, а с другой стороны, предоставить для всех конфессий равные возможности для их деятельности на территории России»⁴.

Но эти положения не получили однозначного одобрения. Еще до начала Конституцион-

ного совещания Верховный Совет Чувашской Республики и Пензенский областной Совет, администрации Астраханской, Белгородской, Ивановской, Курской, Тверской, Томской областей и совещания ученых Санкт-Петербурга предложили из ст. 1 проекта исключить слово «светское» (т. 1, с. 143—145). А Российская христианско-демократическая партия предложила исключить ст. 6 (т. 1, с. 152). От народного депутата РФ В. С. Полосина поступили поправки также об исключении слов «свобода мысли» и «атеистическая деятельность» (т. 1, с. 158)⁵. И лишь народный депутат С. Н. Филатов «усиливал» светский аспект проекта Конституции дополнением к ст. 6 абзацем: «Никакие партии и религии не могут претендовать на монопольное управление государством» (т. 1, с. 345).

Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Верховном Совете РФ (ныне — при Правительстве РФ) была вполне справедливо подвергнута критике ст. 14 проекта, поскольку она «по существу смешивает три права (речь шла о свободе совести, праве на развитие и свободах мысли и убеждений. — М. М.)... по существу смыкается с содержанием ст. 15, которая опять-таки изложена более небрежно и неполно»⁶. Другое научное учреждение — Институт государства и права РАН — обращал внимание на то, что «непонятен используемый авторами президентского проекта

² Об этом см.: Митюков М. А. К истории Конституции Российской Федерации 1993 года // Право и политика. 2005. № 4. С. 112—120.

³ См.: Кикоть В. А. Еще раз о необходимости новой Конституции РФ и путях доработки ее проекта // Конституционное совещание. 1993. № 2. С. 28—48.

⁴ Агафонова А. А. Развитие концепции светского характера государства в проектах Конституции Российской Федерации (Конституционной комиссии и Конституционного совещания) // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 7. С. 11.

⁵ В. С. Полосин замечания к проекту Конституции России (ст. 6, 14, 15, 18, 24) изложил в пространном письме в ответ на обращение Президента РФ, а копию направил 24 мая 1993 г. святейшему патриарху Московскому и всея Руси Алексию II в надежде, «что данный документ может помочь представителям Церкви в случае их участия в работе Конституционного совещания» (см.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия : стенограммы, материалы, документы (1990—1993 гг.) : в 6 т. Т. 4/2 : 1993 год / под общ. ред. О. Г. Румянцев. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 768—772).

⁶ См.: Аналитическая информация Института законодательства и сравнительного правоведения при Верховном Совете Российской Федерации к положениям проекта Конституции, внесенного Президентом Российской Федерации, от 6 мая 1993 г. // Проекты Конституций Российской Федерации и аналитические материалы : в 2 ч. Ч. 2. М. : Изд. Верх. Совета РФ, 1993. С. 68—75.

критерий разделения прав на права человека и права граждан», и рекомендовал включить весь спектр личных (гражданских) прав, в том числе и свободу совести, в права человека, т.е. «его возможности, обеспечивающие автономную деятельность в сфере личной свободы, где роль государства предстает как защитная, ограждающая от какого-то бы то ни было (в том числе и своего собственного) вмешательства»⁷.

Эти предложения и замечания и стали предметом обсуждения на Конституционном совещании 7 июня 1993 г. во всех группах представителей по доработке проекта Конституции.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГРУППАХ КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ 7—8 ИЮНЯ 1993 Г.

В группе представителей федеральных органов государственной власти член Президентского совета А. И. Казанник предложил отвергнуть поправку об исключении слова «светское» из проекта характеристики государства. «В нашей стране, — заявил он, — где так много конфессий, очень важно подчеркнуть, что наше государство светское. Более того, во многих политических документах... раздаются требования о том, чтобы установить в нашем обществе какую-то господствующую религию. Растет и угроза религиозного фундаментализма. Поэтому сохранение этого термина будет выступать определенной гарантией, что наше государство будет светское, где все конфессии равны».

Но сторонники критикуемой поправки полагали, что «слово “светское” можно истолковать двояким образом... что оно (государство. — М. М.) какой-то атеистической пропагандой занимается или там чем-то вроде этого». Предлагалось избежать этого термина, «но иметь норму, которая исключает государственное покровительство конфессиям» (т. 2, с. 60).

При анализе второго абзаца ст. 6 проекта («Никакая партия и церковь не могут находиться под опекой или контролем государства») про-

фессор В. А. Туманов высказался, что «представляется неправильным поставить в одну строчку церковь, которая отделена от государства, и партию, которая принимает активное участие в политической государственной жизни. Это совершенно разнопорядковые понятия... институты. И, кроме того, партия может оказаться под контролем государства...». В связи с этим правовое регулирование партий и церкви он предложил развести по разным частям упомянутой статьи (т. 2, с. 96).

В группе также поддержали дополнение, предложенное администрацией Приморского края, о том, что государство не вмешивается во внутреннюю деятельность партий и церкви при условии соблюдения ими действующего законодательства, не исключая при этом определенного контроля и надзора за их финансовой деятельностью и исполнением законодательства (т. 2, с. 97—98).

Оживленную дискуссию вызвали поправки В. С. Полосина об исключении из текста ст. 14 слов «атеистическая деятельность» и «свобода мысли». Профессор В. М. Савицкий соглашался с тем, что нужно исключить свободу мысли, заявляя: «Я не понимаю, что такое свобода мысли. Кто может контролировать мою свободу мысли, если я ее не выражаю вовне?». Его поддержал один из участников совещания репликой: «Так же, как и свобода вероисповедания, — это внутренний мир, и внешняя деятельность». Другой, не представившийся для стенограммы участник совещания, возразил: «Да, свобода мысли, конечно, это вопрос спорный, а право на атеистическую деятельность абсолютно бесспорно... Надо ее оставить, естественно, потому что это прямо связано со светским характером нашего государства... оно прямо предполагает свободу выражения своих мнений, и в том числе атеистических, естественно, в неоскорбительной форме» (т. 2, с. 122—123).

Разъясняя мотивы обсуждаемых поправок, Ю. А. Рыжов заметил: «Полосин... является священнослужителем, он протестовал против той атеистической деятельности, которая в государстве развивалась как государственная политика,

⁷ См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Т. 4/2. С. 714.

как нечто враждебное по отношению к религии, к верующим...». Другой участник совещания, не представившийся для стенограммы, дополнил: «Имеется в виду наше очень печальное прошлое, когда под атеистической деятельностью предполагалось разрушение храмов, богоборчество...». Ссылаясь на то, что понятия свободы совести и свободы вероисповедания «включают в себя деятельность в любой форме», он предложил «все остальное... просто исключить» из статьи (т. 2, с. 123—124)⁸.

Продолжая дискуссию, профессор А. Б. Венгеров предложил обсуждаемую статью «оставить так, как есть, потому что свобода мысли это очень важно». И напомнил о недавнем еще преследовании граждан за инакомыслие, а также заметил: «Что касается религиозной и атеистической деятельности, то... речь идет просто о ее формах, а в светском государстве... в принципе, и та, и другая деятельность равноправны» (т. 2, с. 124).

В результате этого обмена мнениями группа не поддержала поправку В. С. Полосина. В то же время не прошло и предложение трудовых коллективов Кировской области о дополнении ст. 14 положением о том, что государственная система образования носит светский характер (т. 2, с. 124).

На заседании группы представителей органов государственной власти республик, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга проблема светского государства также стала предметом полемики. С. Н. Кожевников (Нижегородская обл.) счел упоминание об этом государстве «положением чисто декларативного плана» и предложил его «снять». «Дело в том, — заявил он, — что утверждение, что... государство является “светским”, актуально для общества с сильными религиозными тенденци-

ями и движениями... В России такие тенденции не были и не стали значительными. Поэтому использовать в Конституции слова “светское государство” нам представляется нецелесообразным» (т. 2, с. 170).

Возражая «уважаемому оратору», профессор В. В. Невинский отстаивал право существования принципа светского государства в первой главе, считая, что за ним кроется конкретное содержание. Эту позицию поддержал профессор Р. Ф. Васильев, призывая «смотреть вперед» и ссылаясь на опыт «многих конституций» (т. 2, с. 171—172).

Председательствующий в группе С. М. Шахрай обратил внимание на то, что «светское государство» — это одна из характеристик для Конституции, ее особенность в том, что этому принципу должны следовать и субъекты РФ. «Если мы записываем — “светское государство”, — заявил он, — то это значит, что ни в одном субъекте Российской Федерации не может быть, например, государства, построенного по религиозному принципу...». Подобной аргументации было достаточно, чтобы группа проголосовала за оставление в разделе характеристики государства как светского (т. 2, с. 173).

При обсуждении проекта Конституции в группе представителей местного самоуправления выявился неожиданный ракурс проблемы светского государства. Эксперт М. А. Краснов (ИГП РАН) высказался о том, что понятие «демократическое правовое» в характеристике государства уже делает ненужным понятие светское. «Светское», по его мнению, это понятие, обратное «демократическому»⁹. Однако аргумент эксперта не получил поддержки (т. 2, с. 251). Не поддержана была и поправка В. С. Полосина об исключении из ст. 14 проекта слов «атеистическая деятельность» и «свобода мысли» (т. 2, с. 267).

⁸ Позднее теоретическое обоснование подобным взглядам дал А. М. Осавелюк: «Трудно, если вообще возможно, создание светского демократического государства, в котором известное распространение получают “старые” идеи атеистического советского периода...» (см.: Осавелюк А. М. Государство и церковь : монография. М. : Изд-во РГТЭУ, 2010. С. 79).

⁹ Такой подход, видимо, обусловлен тем, что многие ученые полагали и полагают, что светскость — один из наиболее рано сформировавшихся признаков современного правового государства (см., например: Пяткина С. А. Комментарий к статье 14 // Комментарий к Конституции Российской Федерации / ИЗСП при Правительстве РФ. М. : БЕК, 1994. С. 44).

Естественно, что самой эмоциональной и содержательной была дискуссия по поводу конституционного закрепления характеристики «светское государство» в *группе представителей политических партий, профсоюзных, молодежных, иных общественных организаций, массовых движений и конфессий* Конституционного совещания¹⁰. Она началась с трактовки В. Л. Шейнисом смысла поправки об исключении из ст. 1 слова «светское» с учетом того, «что Россия может быть также и религиозным государством». Возражая ему, А. В. Чув (Российская Христианско-демократическая партия) заметил: «Если говорится, что государство “светское”, то антиподом ему отнюдь не является только государство однозначно “религиозное”. Просто, когда государство светское, то это означает сразу много дополнительных вещей. В частности, это может быть истолковано как отделение церкви от школы, от образования, от воспитания». Поэтому представитель РХДП предложил отказаться от характеристики государства как «светского». В ответ на его реплику Б. Г. Мисник (Профсоюз трудящихся горно-металлургической промышленности) упрекнул «представителей конфессий и партий, которые исповедуют религиозные начала», в слишком «мягком» подходе к терминологии, «пренебрежении понятиями, изначально... воспитанными в нас вместе с ощущениями принадлежности к определенному виду общества». Выступающий заявил: «Наши руководители отдают предпочтение только одной религии, и это вызывает естественную настороженность со стороны других религий. А в такой многонациональной и многорелигиозной стране, как Россия, если не подчеркнуть светскость государства, мы обязательно уйдем в противоположную сторону».

Развернутое обоснование тезиса предыдущего оратора дала Г. В. Старовойтова (движение «Демократическая Россия»), напомнившая, что

«в России проживают сегодня представители четырех... мировых религий, включая буддистов, мусульман, иудаистов, христиан разных деноминаций. Имеются также язычники, представители разных сект и культов. Исключая слово “светское”, мы явно делаем намек на то, что какой-то религии может быть отдано предпочтение. К сожалению, в политической практике последних месяцев мы видим, что имеется определенный перекосяк в сторону православной деноминации христианской религии, которая, хотя и по количеству последователей наиболее многочисленная на сегодня, но отнюдь не имеет каких-то оснований претендовать на роль государственной религии...». Вторым аргументом в пользу слова «светский» Галина Васильевна выдвинула необходимость в «защите чувств атеистов, неверующих, о которых в последнее время что-то перестали у нас думать», а их большинство не только в результате 70-летнего господства атеистической пропаганды, но и образования, настроенного на атеистический лад (т. 2, с. 347—348).

Точку зрения на Россию как светское государство разделило большинство представителей в группе общественных организаций и конфессий. Их аргументация, помимо уже приведенных доводов, имела массу нюансов. Например, М. П. Кулаков (Ассоциация религиозной свободы) считал, что «слово “светское” надо оставить, потому что иначе мы открываем дверь тому, чтобы наше государство стало идеологизированным: или атеистическим, или религиозным государством». Светское государство, по его мнению, нейтрально к идеологии и религии. Будущий председатель Конституционного Суда М. В. Баглай, поддерживая идею светского государства, утверждал: «Дело не в том, что какая-нибудь церковь может воспользоваться отсутствием этого слова для превращения в религиозное государство. Как раз наоборот, любая

¹⁰ В этой группе работало 176—178 участников Конституционного совещания, из них 17—20 представителей разных конфессий — Русской православной церкви, Духовного управления мусульман европейской части СНГ, стран Балтии и Сибири, Центрального управления буддистов и др. (т. 2, с. 23—24, 290). Кроме того, часть участников представляла политические партии религиозной направленности (РХДС и др.). Как свидетельствовал народный депутат Г. П. Якунин, на заседаниях 7 и 8 июня 1993 г. РПЦ представляли юристы патриархии, а католиков и баптистов — «довольно высокие» иерархи (т. 3, с. 311).

церковь, включая православную, мечтает еще дальше отделиться от государства. Поэтому мы пошли бы навстречу всем конфессиям, если бы слово “светское” осталось бы у нас в Конституции». И наконец, А. А. Собчак добавил еще одно соображение: «Но ведь у нас есть ряд автономных образований, есть достаточно серьезные политические течения — партии, движения, готовые уже сегодня провозгласить себя либо мусульманской, либо буддийской республикой, с этой точки зрения сохранение слова “светское” будет означать не только для России в целом, но и для всех ее подразделений исключение возможности провозглашения религиозного государства, которое неизбежно связано с гонениями на другие религии» (т. 2, с. 148—149).

На заседании *группы представителей товаропроизводителей и предпринимателей* выступил один из главных разработчиков проекта Конституции член-корреспондент РАН С. С. Алексеев, председатель Совета Исследовательского центра частного права. Он обозначил сущность светского государства как цивилизованного, нерелигиозного, незаидеологизированного государства, отмечая, «что с точки зрения существа дела эта вещь в высшей степени важная», сослался на зарубежный опыт и назвал это «существенным моментом» для Конституции.

Несмотря на столь авторитетное мнение маститого ученого, среди «товаропроизводителей» раздался голос и за то, чтобы убрать из характеристики государства слово «светский», «потому, что сейчас идет согласование нашей деятельности с церковью». Но был достигнут компромисс: в обмен на то, «что нельзя в Конституции писать “атеистическое”» (выражение председательствующего на заседании первого заместителя Председателя Совета министров — Правительства РФ В. Ф. Шумейко), сохранилось в ней определение «светское». При этом вице-премьер успокоил участников заседания, что «на процессы возрождения конфессий это никакой роли не окажет. Тем более что это светское — без связи с религией» (т. 2, с. 430—431).

Проблема светского государства с сопутствующими ей вопросами продолжала обсуждаться и на другой день, 8 июня 1993 г., на заседаниях некоторых групп представителей Конституционного совещания. В *группе представителей общественных организаций и конфессий* председательствующий А. А. Собчак огласил новую редакцию ст. 6, предложенной представителями религиозных конфессий: «Все общественные, политические, религиозные объединения, а также религии равны перед законом. Ни одно общественное или религиозное объединение, ни одна партия или религия не пользуются никакими преимуществами по отношению к друг другу, не могут быть подвергнуты никаким ограничениям по сравнению с другими. Никакое мировоззрение не может устанавливаться в России в качестве государственного и обязательного». Но по процедурным причинам обсуждение этой формулировки было перенесено на другое время (т. 3, с. 272—273). Поэтому острие дискуссии, как и в некоторых других группах, сосредоточилось на поправке В. С. Полосина об исключении из проекта слов «свобода мысли» и «атеистическая деятельность», особенно двух последних.

Отдельные участники заседания утверждали, что уже сама по себе запись о светском государстве в Конституции исключает необходимость упоминания в ней об атеистической деятельности, поскольку последняя направлена на борьбу с религией и «есть та самая религиозная нетерпимость», которая конституционно недопустима¹¹. Ю. А. Буров (*Ассоциация профсоюзов «Трудовой форум»*) заявлял: «Свобода атеистической деятельности — это вещь, которая ни в какие рамки цивилизованного государства не вписывается. Это просто-напросто пропаганда воинствующего атеизма. А те, кто встречался с воинствующими атеистами, они прекрасно знают, что это люди, которые путают свободу совести с ее отсутствием». Ему вторил А. В. Пчелинцев (*Союз евангельских христиан-баптистов России*): «Атеизм, или так называемый научный атеизм, — мы знаем, что это такое было, и сегодня у всех нас ассоциация совершенно

¹¹ Ранее при обсуждении ст. 9 проекта на заседании группы по предложению А. В. Пчелинцева была одобрена поправка о «религиозной ненависти» (т. 3, с. 296).

однозначная. Верующие люди не воспринимают этот термин. И мы предлагаем вернуться к статье 44 действующей Конституции¹², которая изложена достаточно корректно и четко в этом плане».

Возражая против этих суждений, А. А. Собчак заметил: «Если меня лишат права высказывать мои атеистические убеждения... то мне придется пойти на этот раз в лагерь защиты прав атеистов. Атеизм не есть борьба с церковью, атеизм есть мировоззрение, глубокое мировоззрение, поэтому я прошу господ христиан, получивших теперь свободу, не пытаться качать маятник в другую сторону. Так же как по религиозной деятельности не должно быть преследований атеистов, как было в свое время с инквизицией; атеистическая деятельность не есть преследование религии».

С такой позицией была солидарна и М. Е. Салье (*Свободная демократическая партия России*), считая, что «убирать атеистическую деятельность нельзя ни в коем случае. Атеизм — это не антирелигиозная деятельность, это мировоззрение».

Идея различения атеистических убеждений и атеистической деятельности подхватывается некоторыми участниками совещания. Кроме А. А. Собчака, об этом говорил Г. П. Якунин. Он был уверен, что «атеистические убеждения в светском государстве — это законное право человека, но деятельность атеистическая 79 лет у нас направлялась на борьбу, на разрушение церковных организаций и мировоззрения верующих».

Но такой методологический подход к атеизму не был воспринят многими членами группы. В. С. Дашкевич (*Союз композиторов России*)

заявил: «У религиозной свободы есть угроза в мире, поэтому ее надо защищать, а атеизму никакой угрозы не существует. Я не понимаю, почему его надо защищать в Конституции... Значит, какое-то мировоззрение в Конституции получает дополнительную защиту. В то время, когда свободы мысли и слова достаточно человеку».

Эксперт профессор Ю. А. Розенбаум, говоря, что «свобода совести — это свобода религии и свобода атеизма», в то же время исторически обоснованно счел, чтобы в новой формулировке обсуждаемой статьи «отсутствовало слово “атеизм”». По его мнению, от этого «атеизм не потеряется как мировоззрение... А то, что атеизм — это законное мировоззрение, убеждение, — об этом спорить просто не следует. Оно существует уже давно, несколько веков».

Результатом обсуждения в группе поправки Полосина стало исключение ею из текста слов «атеистическая деятельность («за» проголосовало — 41, «против» — 21, «воздержалось» — 10). Такая же судьба постигла поправку коллективов Кировской области дополнить ст. 14 словами «религиозные объединения в Российской Федерации отделены от государства. Государственная система образования носит светский характер» (т. 3, с. 312—316).

На заседании группы представителей товаропроизводителей и предпринимателей при обсуждении поправки В. С. Полосина в дискуссии вновь принял участие С. С. Алексеев. «Как мне объяснили религиозные деятели, — произнес он, — сама свобода атеистической пропаганды — это есть выступление против исходных нравственных начал, заповедей, что сама по себе такого рода запись имеет безнравствен-

¹² Эта статья гласила: «Каждому гарантируется свобода совести — право свободно исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой, выбирать, иметь и распространять религиозные, нерелигиозные или иные убеждения и действовать в соответствии с ними при условии соблюдения закона.

Религиозные объединения в Российской Федерации отделены от государства, государственная система образования носит светский характер.

Все религии и религиозные объединения равны перед законом.

Оскорбление убеждений граждан преследуется по закону» (см. : Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России. М. : Известия, 1993. С. 15).

К этой статье как образцу правового регулирования участники Конституционного совещания в последующем обращались неоднократно (т. 7, с. 55).

ную основу»¹³. Далее он предложил исключить из ст. 14 проекта слова «атеистическую» и «религиозную»¹⁴. «Здесь, — объяснил Сергей Сергеевич, — зеркальное право — туда-сюда». И был поддержан участниками заседания (т. 3, с. 342—343).

ПОЛЕМИКА О СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ НА ПОСЛЕДУЮЩИХ ЗАСЕДАНИЯХ ГРУПП КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ

Предыдущие заседания групп представителей выявили положительное отношение участников к пониманию светского государства как элемента конституционно-правовой характеристики Российской Федерации, необходимости закрепления его содержания в отдельной норме. Эксперт Н. А. Богданова 10 июня 1993 г. в одной из групп представителей, рассказывая об «общей концепции» новой главы «Основы конституционного строя», выделенной из первой главы «Общие положения. Права и свободы человека» президентского проекта Конституции, подчеркнула, что в первой статье дается общая характеристика государства, в которой среди прочих элементов называется и светское государство. «Мы максимально постарались, — говорила она, — собрать все характеристики государства, которые возможны, дабы дать полную характеристику Российской Федерации». В статье 9 этой главы «раскрывается характеристика Российской Федерации как светского государства. Она очень небольшая, но мы считаем, — заметила эксперт, — что это наиболее емкая характеристика социального государства» (т. 5, с. 89, 92).

Против общей характеристики государства выступил С. М. Кесаев (*Северная Осетия*). Ссы-

лаясь на то, что она напоминает прежние характеристики советских государств и в ст. 5, 9, 10 говорится о светском, социальном и правовом государстве, он предложил эти три слова «снять» в ст. 1 (т. 5, с. 109). Однако это предложение потонуло в потоке последовавшей дискуссии о многонациональном характере государства.

По итогам первой недели работы Конституционного совещания профессор М. В. Баглай (*Профсоюз работников культуры*) констатировал, что в их группе признано, что «религиозные организации нуждаются в усилении гарантии своих прав от вмешательства в их внутреннюю деятельность» (т. 5, с. 388). Правда, он предпочел умолчать о наметившихся противоречиях по вопросам атеистической деятельности, светскости образования и др. Но на эти обстоятельства некоторые участники продолжали обращать внимание в течении всего Конституционного совещания (т. 6, с. 142; т. 10, с. 323).

По второму вопросу серьезная полемика состоялась 11 июня 1993 г. в группе представителей общественных организаций и религиозных конфессий. Сторонники светского характера государственного образования, настаивая на рассмотрении этого вопроса, ссылались на зарубежный опыт. Противники указывали на то, что при отсутствии частной системы образования «мы ущемим права граждан, которые хотели бы, пусть факультативно, пусть добровольно, но получить это (религиозное. — М. М.) образование». «Каждый может, и я считаю, что это право каждого человека, каждого ребенка, получать дополнительно какое-то религиозное образование, — заявлял А. В. Чувев, — Иначе мы закладываем атеистический характер этого образования». Его поддержал В. К. Шарилов (*Союз христиан евангельской веры*), утверждая, что

¹³ Арсенал «обвинений» против атеизма не ограничивается этим утверждением. Идеология светского государства нередко церковными кругами воспринимается как сознательное ограничение религиозной свободы (см.: *Тощенко Ж. Т.* Теократия: фантом или реальность? М. : Academia, 2007. С. 288). В церковной литературе встречаются пассажи, фактически отождествляющие атеизм с оккультизмом, спиритизмом и магией (см.: *Шахов М. О.* Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации : учебное пособие. 2-е изд., испр. М. : Изд-во РАГС, 2007. С. 62).

¹⁴ Позднее подобную точку зрения высказал и вице-президент Агропромышленного фонда Ю. А. Байков, предложивший исключить из аналогичной статьи слова «религиозные и иные» и записать просто «свои убеждения» (т. 15, с. 343—344).

поправка о светском характере государственного образования «суживает фронт получения образования», и предложил «заложить норму... с согласия учительского или родительского коллективов» о праве получать религиозное образование. К. А. Любарский (*общество «Мемориал»*) выдвинул компромиссное предложение: «Религиозное образование не может иметь обязательного характера». Но в результате голосования была одобрена формула: «Система общеобязательного образования носит светский характер» (т. 6, с. 360—363).

Многие считали, что светское государство «как принцип» следует регулировать в отдельной статье (т. 6, с. 143), обособленно от политического и идеологического плюрализма. Поэтому к 11 июня 1993 г. ст. 9 проекта уже была экспертами сформулирована: «В Российской Федерации религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, религиозные объединения отделены от государства»¹⁵. Но и эту статью некоторые участники Конституционного совещания предлагали исключить, поскольку она «покрывается содержанием» предыдущих статей (т. 6, с. 141).

Участники Конституционного совещания понимали под светским государством «внерелигиозное» государство (т. 6, с. 143). При этом предлагалось ему, как и всем другим основам конституционного строя, придать «преимущество над всеми другими статьями». «Если в основах конституционного строя мы закрепляем — светское, — разъяснял С. М. Шахрай, — это означает, что... ни один субъект Российской Федерации не может быть теократическим государством...» (т. 6, с. 152, 158). И этот аргумент в течение всего совещания им впоследствии повторялся неоднократно с подчеркиванием, что закрепление в основах конституционного строя светского характера государства имеет и «чисто концептуальную нагрузку» (т. 12, с. 18).

На первом этапе Конституционного совещания до середины июня сохранялась ст. 1 проекта

Конституции в редакции, предусматривающей характеристику Российской Федерации как светского государства. Это произошло благодаря многочисленным дискуссиям, в том числе о наименовании государства, его многонациональном характере (т. 7, с. 171—172).

Попытки «упростить» характеристику Российской Федерации были неоднократными и по различным поводам, например, при обсуждении проекта Декларации о Конституции России, которую предполагалось принять на Конституционном совещании. П. Б. Шелищ (Союз потребителей Российской Федерации) предлагал в упомянутом документе слова «свободного, правового, светского...» заменить словосочетанием «демократического правового» (т. 7, с. 364).

СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК «ИЗЛИШНЕЕ И ОТЯГЧАЮЩЕЕ» ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ К ст. 1 КОНСТИТУЦИИ?

К концу первого этапа Конституционного совещания была возобновлена полемика «об облегчении текста» ст. 1 проекта Конституции за счет «излишних и отягчающих прилагательных» (выражение А. А. Котенкова), и это «редакционное» направление находило поддержку в Рабочей комиссии по выработке проекта Конституции, и в рассуждениях отдельных участников совещания распространялось на некоторые и другие уже упомянутые характеристики государства (т. 15, с. 436—437). Против «нагромождения характеристик» в ст. 1 проекта Конституции выступил и и.о. министра юстиции Российской Федерации Ю. Х. Калмыков (т. 16, с. 16).

И уже в редакции проекта Конституции, рассматриваемой Рабочей комиссией 18 июня 1993 г., из ст. 1 были упущены такие характеристики государства, как «светское» и «социальное». Докладчик — заместитель начальника Главного правового управления Президента РФ А. Я. Слива обратил внимание на то, что характе-

¹⁵ Этим заменялась более привычная формула «церковь отделена от государства». «Это и есть формула светского государства, — разъяснялось на заседании группы представителей региональных органов государственной власти. — Но дело в том, что церковь при разнообразии верований — это не совсем устраивающий термин. Отсюда возник термин религиозного объединения» (т. 6, с. 142).

ристика Российской Федерации как светского государства дана в другой статье раздела — ст. 14, и, предупреждая спор о светской природе Российского государства, объяснил: «Мы руководствовались тем, что если сюда (в ст. 1. — М. М.) добавить «светское», то возникнет вопрос о социальном, и количество характеристик государства, переходящее в качество, сделает вообще неудобочитаемой эту часть. Поэтому мы ограничились только “суверенным демократическим федеративным правовым” — четырьмя элементами» (т. 12, с. 13).

На заседании Рабочей комиссии по доработке проекта Конституции РФ 25 июня 1993 г. Руководитель Администрации Президента РФ С. А. Филатов констатировал, что по ст. 1 и 14 «нет проблем» (т. 15, с. 38—39), как уже упоминалось «светское государство» из первой перешло во вторую). К этому одобрительно отнесся и С. С. Алексеев, председательствовавший в тот день на заседании группы представителей товаропроизводителей и предпринимателей (т. 15, с. 335).

При завершении первого этапа Конституционного совещания словосочетание «светское государство» упоминалось лишь в качестве образца юридического решения вопроса о характеристике государства в целом и в отношении социального государства (т. 17, с. 112)¹⁶. Рядом участников совещания (А. А. Котенков и др.) предлагалось также не упоминать об этом в ст. 1, а записать в ст. 7 проекта как начальное предложение в связи с предполагаемой политикой социального государства. Однако при этом прозвучал и весьма радикальный контраргумент, отрицающий необходимость вообще конституционного закрепления терминов «светское»¹⁷, «социальное», «правовое» в отношении нашего государства. В. К. Варов (*председатель подкомитета Комитета Верховного Совета Российской Федерации по законодательству*)

заявил: «Если говорить о мировой конституционной практике, то как раз сегодня в научных кругах мировой правовой общественности превалирует концепция отхода от этих терминов в конституциях, потому что сами по себе термины и определения присущи монографиям, а не конституционным принципам. Доказывать — “социальное”, “правовое” или “светское” государство — нужно государственной практикой...» (т. 16, с. 28—30). При очевидной голословности заявления в части «концепции отхода от терминов», оно содержало рациональное зерно о роли практики в обеспечении реальности Конституции.

В тексте проекта Конституции РФ, выработанном Конституционным совещанием к 12 июля 1993 г., характеристика нашего государства как светского была перенесена из статьи, содержащей общую дефиницию Российской Федерации, в ст. 14, дающую краткую характеристику светскому государству, гласящую:

«Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» (т. 17, с. 363—364).

Вопросы религии затрагивались и в отдельных статьях гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина», закрепляющих равноправие всех перед законом и судом (ст. 19), право на свободу совести (ст. 27).

«Последний текст проекта Конституции, принятый Конституционным совещанием, — говорил С. С. Алексеев 15 октября 1993 г. на заседании Рабочей комиссии по доработке проекта Конституции, — является результатом того времени, когда мы максимально стремились к компромиссам, к компромиссу с Верховным Советом, с той идеологией, которую он отстаивал», а поэтому, по мнению одного из главных

¹⁶ Об этом см.: Митюков М. А. Конституционное совещание 1993 года: дискуссии о социальном государстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Ч. 7 / под ред. В. Ф. Воловича. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 3—18.

¹⁷ Более откровенно выразил эту идею заместитель Председателя Верховного Совета РФ Н. Т. Рябов, заявив: «Мы почему-то нашли возможность записать “светское государство”, хотя для этого ничего реального нет, это для нашего общества пустой звук» (т. 16, с. 30).

разработчиков проекта, этот текст «носит характер... значительных уступок по сравнению с первоначальным замыслом...» (т. 18, с. 77). К числу таких уступок впоследствии он отнес и исключение из ст. 1 слова «светское» из общего определения Российской Федерации¹⁸. Но господствовало мнение, что это изменение относится к числу редакционных (т. 20, с. 46).

Видимо, по этой причине 21 октября на заседании той же комиссии вновь по инициативе С. А. Филатова был затеян разговор о том, «будем (ли) добавлять “светское”?» в ст. 1 проекта. И директор Института государства и права РАН Б. Н. Топорнин стал убеждать присутствующих, что этого делать «не надо», поскольку нет каких-либо сомнений в светскости нашего государства. «Это, может быть, — заявил он, — в восточном государстве писать можно было. А находясь в центре Европы, наверное, не надо». К этому же призвали и некоторые другие участники совещания (В. Л. Шейнис, Т. Г. Морщакова, Е. М. Ларионов) во избежание повтора со ст. 14 проекта, что для общей характеристики государства достаточно трех признаков: «демократическое, федеративное

и правовое» с республиканской формой правления. С чем и согласилась комиссия (т. 18, с. 372—378).

На заседании Рабочей комиссии 22 октября 1993 г., обсуждая ст. 27 проекта, участники «споткнулись» на предложении Института государства и права РАН о том, чтобы из нее убрать слово «иных» в отношении «убеждений», оставив правило, что граждане должны действовать лишь в соответствии с религиозными убеждениями. На это последовала реакция Б. А. Страшуна (*главный советник Конституционного Суда РФ*): «А если убеждения атеистические, может ведь человек действовать в соответствии с такими убеждениями? А из текста неясно. Тогда возникнет вопрос, что в соответствии с религиозными убеждениями он может действовать, а с нерелигиозными уже не может». Из этой неудобной ситуации помог выйти Б. С. Эбзеев, предложив комиссии формулировку: «Иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (т. 19, с. 34—35)¹⁹. В результате окончательно была сформулирована ныне действующая редакция ст. 14 Конституции РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агафонова А. А. Развитие концепции светского характера государства в проектах Конституции Российской Федерации (Конституционной комиссии и Конституционного совещания) // Конституционное и муниципальное право. — М., 2009. — № 7. — С. 8—11.
2. Алексеев С. С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. — Екатеринбург, 2009. — 63 с.
3. Залужный А. Г. Право. Религия. Закон. — М. : Научная книга, 2008. — 360 с.
4. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990—1993 гг.) : в 6 т. ; 10 кн. / под общ. ред. О. Г. Румянцева. — М. : Волтерс Клувер, 2007—2010. — Т. 4/2. — 1104 с.
5. Кикоть В. А. Еще раз о необходимости новой Конституции РФ и путях доработки ее проекта // Конституционное совещание. — 1993. — № 2. — С. 28—48.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / ИЗСП при Правительстве РФ. — М. : Изд-во БЕК, 1994. — 458 с.

¹⁸ См.: Алексеев С. С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. С. 51.

¹⁹ Такой подход впоследствии породил в специальной литературе дискуссию о необходимости конкретизации словосочетания «иные убеждения», в том числе о том, включает ли оно в себя «атеистические убеждения» (см.: Залужный А. Г. Право. Религия. Закон. М. : Научная книга, 2008. С. 135).

7. Конституционное совещание : Стенограммы. Материалы. Документы : в 20 т. — М. : Юрид. лит., 1995—1996. — Т. 1. — 559 с. ; Т. 2. — 496 с. ; Т. 3. — 448 с. ; Т. 5. — 408 с. ; Т. 6. — 480 с. ; Т. 10. — 344 с. ; Т. 12. — с. 468 ; Т. 16. — 272 с. ; Т. 17. — 416 с. ; Т. 18. — 440 с. ; Т. 19. — 464 с. ; Т. 20. — 592 с.
8. Митюков М. А. К истории Конституции Российской Федерации 1993 года // Право и политика. — 2005. — № 4. — С. 112—120.
9. Митюков М. А. Конституционное совещание 1993 года: дискуссии о социальном государстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. — Ч. 7 / под ред. В. Ф. Воловича. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — С. 3—18.
10. Осавельюк А. М. Государство и церковь. — М. : Изд-во РГТЭУ, 2010. — 238 с.
11. Проекты конституций Российской Федерации и аналитические материалы : в 2 ч. — Ч. 2. — М. : Изд. Верх. Совета РФ, 1993. — С. 68—75.
12. Тощенко Ж. Т. Теократия: фантом или реальность? — М. : Academia, 2007. — 664 с.
13. Шахов М. О. Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации : учебное пособие. — 2-е изд., испр. — М. : Изд-во РАГС, 2007. — 108 с.

Материал поступил в редакцию 26 апреля 2017 г.

SECULAR STATE DISCUSSIONS AT THE CONSTITUTIONAL MEETING

MITYUKOV Mikhail Alekseevich — PhD in Law, Honored Lawyer of the RF, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 1st Class Effective State Counselor of the Russian Federation. Participant of the 1993 Constitutional Meeting
mma070142@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *S. S. Alexeev, one of the architects of the “Presidential” Draft Constitution that was introduced for discussion and amendment at the 1993 Constitutional Meeting defined the essence of a secular state as ‘civilized, non-religious, not over-ideologized state.’ Not all participants of the Meeting shared that formula. Some of them considered the idea of a secular state for “our society to be hollow,” although many saw its interrelation with the federal form of governance, and, which is more important, with a democratic rule-of-law state. A compound approach to understanding the essence of the secular state, its content and, in general, the usefulness of its constitutional regulation, resulted in very hot debates at the Meeting, especially among representatives of various political, religious and nonreligious views.*

The paper is devoted to the controversy among the Meeting’s participants surrounding the notions of ‘secular state,’ ‘atheistic activity,’ ‘freedom of expression of atheistic opinions.’ The paper focuses attention on the extent to which participants of the Constitutional Meeting, especially the representatives of the legal science and expert institutions, managed to influence amendments made in the original text submitted by the RF President.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, drafts, Constitutional Meeting of 1993, secular State, atheism, debate.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agafonova A. A. Razvitie koncepcii svetskogo haraktera gosudarstva v proektah Konstitucii Rossijskoj Federacii (Konstitucionnoj komissii i Konstitucionnogo soveshhanija) // Konstitucionnoe i municipal’noe pravo. — М., 2009. — № 7. — С. 8—11.
2. Alekseev S. S. U istokov Konstitucii Rossii. Sub#ektivnye zametki. — Ekaterinburg, 2009. — 63 s.

3. *Zaluzhnyj A. G.* Pravo. Religija. Zakon. — M. : Nauchnaja kniga, 2008. — 360 s.
4. Iz istorii sozdanija Konstitucii Rossijskoj Federacii. Konstitucionnaja komissija: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990—1993 gg.) : v 6 t. ; 10 kn. / pod obshh. red. O. G. Rumjanceva. — M. : Volters Kluver, 2007—2010. — T. 4/2. — 1104 s.
5. *Kikot' V. A.* Eshhe raz o neobходимosti novej Konstitucii RF i putjah dorabotki ee proekta // Konstitucionnoe soveshhanie. — M., 1993. — № 2. — S. 28—48.
6. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / IZiSP pri Pravitel'stve RF. — M. : Izd-vo BEK, 1994. — 458 s.
7. Konstitucionnoe soveshhanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty : v 20 t. — M. : Jurid. lit., 1995—1996. — T. 1. — 559 s. ; T. 2. — 496 s. ; T. 3. — 448 s. ; T. 5. — 408 s. ; T. 6. — 480 s. ; T. 10. — 344 s. ; T. 12. — s. 468 ; T. 16. — 272 s. ; T. 17. — 416 s. ; T. 18. — 440 s. ; T. 19. — 464 s. ; T. 20. — 592 s.
8. *Mitjukov M. A.* K istorii Konstitucii Rossijskoj Federacii 1993 goda // Pravo i politika. — M., 2005. — № 4. — S. 112—120.
9. *Mitjukov M. A.* Konstitucionnoe soveshhanie 1993 goda: diskussii o social'nom gosudarstve // Pravovye problemy ukreplenija rossijskoj gosudarstvennosti : sb. statej. — Ch. 7 / pod red. V. F. Volovicha. — Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001. S. 3—18.
10. *Osaveljuk A. M.* Gosudarstvo i cerkov'. — M. : Izd-vo RGTJeU, 2010. — 238 s.
11. Proekty konstitucij Rossijskoj Federacii i analiticheskie materialy : v 2 ch. — Ch. 2. — M. : Izd. Verh. Soveta RF, 1993. — S. 68—75.
12. *Toshhenko Zh. T.* Teokratija: fantom ili real'nost'? — M. : Academia, 2007. — 664 s.
13. *Shahov M. O.* Konstitucionno-pravovye osnovy gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii : uchebnoe posobie. — 2-e izd., ispr. — M. : Izd-vo RAGS, 2007. — 108 s.